

Пермский
Штутгарт
Штаатстheater (Городской театр)
сентябрь 1998

"Медею" Еврипида поставить невозможно. Как всякую древнегреческую трагедию. Отношения с Богами можно выяснять, если в них веришь. И веришь в конечное и бесконечное совершенство миропорядка. Герой трагедии должен нарушить закон – не тот, что написан рукой смертного – и тем самым пошатнуть представление о мире в самом его основании.

"Медею" ставят все же охотно. Иногда, как нечто стилизованно-декадентское, с подвывающим чтением стихов и звяканьем монистов на шее. Иногда – "по правде" – картину клинического безумия проданной женщины. Чаще – рвут в клочья непонятные страсти. Что так, что эдак – объяснить убийство матерью своих детей – не получается. Хотя каждый день газеты приносят сообщения о детоубийцах. Но Медея – не малолетняя проститутка, нагулявшая нежеланный приплод; не алкоголичка, которой помешал напиваться дальше плач собственного дитяти. Не шизофреничка, которой ребенок мог

Медея

Марина ТИМАШЕВА

привидиться каким угодно монстром...

Спектакль штутгартского Штаатстheater начал русский актер – Евгений Лазарев. Ему режиссер Ханс-Ульрих Беккер доверил экспозицию – беглый пересказ мифа об аргонавтах Ясоне и его колхидской супруге. На ветвях иссушенного дерева – немолодой человек с бу-

~~Жрэн и сьена~~

№ 17-18 (433-434), май 1998 года

- 9 14, 15.

и миф

мажным свитком в руках – сказитель, возможно, сам Еврипид, или ворон-вещун, или современный читатель, иронически дистанцированный от архаического сюжета. Здесь же, на сцене – валяющийся обломок кораблекрушения – патлатый, жалкий и будто бы испитой Ясон. То, что он собой представляет, не имеет ничего общего с величественным героем повествования, как нет ничего общего между прекрасным Арго и ободранным деревянным каркасом корабля. Что осталось от Арго? Скелет. Что от любви Медеи и Ясона? Высохшее дерево. Что от самого Ясона? А что остается от лопнувшего мыльного пузыря?

Каждый образ спектакля многозначен, а на любой вопрос приходится десяток ответов. Кто эти женщины из хора? Они кружатся вокруг старомодной газовой плиты, как соседки по коммунальной кухне. Они одеты в халаты мерзкого желтого цвета – будто уборщицы в музее. У них набелены лица, и они поют – с очень резкими интонациями, нарочито "между нот", как-то не по-людски. Богини мести, хранительницы традиций, коммунальные сплетницы. Забитые бабы, с ужасом и надеждой смотрят они на ту единственную, которая не смирится с унижением. Медея (великолепная Ирэна Куглер) и гадалка в черном платье, черном платке – колдунья, оторванная от своей родины, своей земли, своего языка. Самое себя оторвавшая. Выражаясь современным языком – маргинал, чужестранка с диким нравом, темпераментом, обычаями. Ее боятся, ее презирают. Креонт с кровавыми губами – диктатор, ерничающий палач: "Греция для греков. Варварам – варварское". Надменный и пустой, хвастливый и ничтожный (таким он является не у Еврипида, а у Аполлония) Ясон вторит царю: "Я тебя, дикарку, благодетельствовал. Я привез тебя с твоей убогой родины в нашу прекрасную античность". Медея не желает благодарить. Гордячка и, возможно, первая феминистка в европейской литературе, она рассуждает так же, как и все мы. Что по неизвестным причинам женщина зависит от мужчины, что мужчины оправдывают столь привилегированное положение храбростью, готовностью драть-

~~Жрэн и сьена~~

№ 17-18 (433-434), май 1998 года

ся за родной очаг. А не нужна ли стойкость, чтобы в муках рожать детей? Да и так ли уж сам Ясон добыл Золотое руно? И где бы он был, кабы не страстная любовь и страшное колдовство Медеи.

С самого начала спектакля архаическую, вновь переvedенную пьесу слушаешь как свою современницу – притом, что никаких особенно авангардных ужимок режиссер себе не позволяет. Ни тебе военной формы, ни сумасшедшего дома вместо жилища Медеи. Жертвенные камни; резинка, на которой с пугающим звуком раскручивается деревянная пуговица; маленькие пиалы для колдовства; отравленные райские яблочки под ногами – все принадлежит и нынешнему дню и мифу. Как и сама Медея – волевая, хитрая, соблазнительная, лживая и целеустремленная. Внучка Бога Солнца, временами она впадает в странное состояние – по телу проходит дрожь, руки изгибаются над головой, а из горла рвется клокочущий стон. Будто перед нами уже не Медея-женщина, но Медея-кобылица, впряженная в колесницу Гелиоса. Она молит Богов о помощи, и из-под сцены несется мрачное урчание – где-то там с бока на бок поворачивается потревоженное исчадие ада, богиня Геката. Отзвуки, отголоски, эхо древнего мифа в абсолютно внятной истории истерзанного и поруганного человеческого достоинства. Куда деться Медее с детьми? Для себя она истребовала клятвы Эгея принять ее в Афины. Она обещала бездетному царю детей. Не наколдовать, как это придумано Еврипидом, но родить – Медея обнажает полную грудь, которая может вскормить будущих младенцев. Театр дополняет пьесу знанием мифа – в соответствии с ним, Медея станет женой Эгея. Но в его стране нет места мальчикам Ясона, да и Медее с малолетками не добраться до Афин. По логике спектакля не добраться и ей самой. Она складывает деревянный погост для детских тел, становится на него и зажигает погребальный костер. Может быть, в смертных муках привиделась ей спускающаяся с небес маска Бога Гелиоса. Мы же видим не его спасительную колесницу, а горящий катафалк с матерью-убийцей и самоубийцей. Ничего не достанется ненавистной стране – ни ее детей, ни ее слез, ни даже их праха. Только Миф о Медее, который, оказывается, можно поставить, если вложить в него нынешнее знание о несовершенстве миропорядка и личную боль.

● "Медея". Сцена из спектакля